Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-250-256
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

ГУДЧЕНКОВ Олег Станиславович,
аспирант, Балтийского Федерального Университета имени Иммануила Канта,
e-mail: Oleg_2_0_00@mail.ru

Научный руководитель:
КУЛИКОВ Александр Викторович,
д-р юр. наук, проф., Заслуженный юрист РФ,
e-mail: bmw0052@rambler.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЗАКОННОГО ПРИОБРЕТЕНИЯ, ХРАНЕНИЯ, ПЕРЕВОЗКИ, ИЗГОТОВЛЕНИЯ, ПЕРЕРАБОТКИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ, СОВЕРШАЕМЫХ БЕЗ ЦЕЛИ СБЫТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Аннотация. *В статье анализируются проблемы уголовно-правовой характеристики преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. На основе формально-юридического, сравнительно-правового и доктринального методов, а также анализа судебной практики автором рассматриваются объективные и субъективные признаки состава преступления, исследуется влияние цифровых технологий на объект и предмет преступлений, а также способы совершения деяния, доказывание вины и разграничение со ст. 228.1 УК РФ. Обосновывается вывод о необходимости распространения квалифицирующего признака «использование информационно-телекоммуникационных сетей» на ст. 228 УК РФ, а также о нецелесообразности снижения возраста уголовной ответственности за данное преступление.*

Ключевые слова: *незаконный оборот наркотиков, наркотические средства, психотропные вещества, информационно-телекоммуникационные сети, уголовно-правовая характеристика, квалификация, состав преступления.*

GUDCHENKOV Oleg Stanislavovich,
postgraduate student, Immanuel Kant Baltic Federal University

Supervisor:
KULIKOV Alexander Viktorovich,
Dr. Jurr. Sciences, prof., Honored Lawyer of the Russian Federation

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF THE ILLEGAL ACQUISITION, STORAGE, TRANSPORTATION, MANUFACTURING, PROCESSING OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES OR THEIR ANALOGUES, COMMITTED WITHOUT THE INTENTION OF SALES USING ELECTRONIC OR INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS

Annotation. *This article analyzes the criminal-legal characteristics of the crime under Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation, committed using information and telecommunications networks. Drawing on formal legal, comparative legal, and doctrinal methods, as well as an analysis of judicial practice, the author examines the objective and subjective elements of the crime, explores the influence of digital technologies on the object and subject of crimes, as well as the methods of committing the act, proving guilt, and distinguishing it from Article 228.1 of the Criminal Code. The author substantiates the conclusion regarding the need to extend the qualifying element of "use of information and telecommunications networks" to Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the inadvisability of lowering the age of criminal responsibility for this crime.*

Key words: *illegal drug trafficking, narcotic drugs, psychotropic substances, information and telecommunication networks, criminal law characteristics, qualification, elements of the crime.*

Введение

Борьба с распространением запрещенных психоактивных веществ ежегодно признается одной из ключевых государственных задач, что продиктовано высокой социальной опасностью данного феномена, а также прямой угрозой национальной безопасности Российской Федерации. Незаконный оборот наркотиков оказывает деструктивное воздействие не только на физическое и психическое здоровье населения, но и на морально-нравственные основы общества, ставя под угрозу его культурный и демографический потенциал. Как справедливо отметил Президент РФ В.В. Путин в ходе оперативного совещания с постоянными членами Совета Безопасности, борьба с наркоугрозой является одним из важнейших направлений правоохранительной деятельности [10]. Вместе с тем в настоящее время серьезное воздействие, вызывающее системные изменения структуры незаконного оборота, оказывают информационно-телекоммуникационные сети. Цифровизация общественных отношений способствовала переносу ключевых элементов незаконного оборота наркотиков в сеть «Интернет», включая мессенджеры, социальные сети и специализированные теневые платформы. Такой переход криминальной активности в виртуальное пространство создает для правоохранительной системы качественно новые сложности и вызовы. Как справедливо подчеркивает С.К. Абрамян, именно информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет», в значительной степени влияют на незаконный оборот наркотиков, предоставляя преступникам широкие возможности для сохранения анонимности и конспирации [2, с. 116].

При этом анализ научной литературы и правоприменительной практики свидетельствует о том, что основное внимание исследователей и практиков сосредоточено преимущественно на уголовно-правовой оценке незаконного сбыта наркотиков (ст. 228.1 УК РФ) как наиболее общественно опасной форме проявления наркопреступности. Не отрицая безусловной значимости оценки данной проблемы, обусловленной разрушительным характером сбыта как одной из стадий наркопреступлений, мы обращаем внимание на то, что не менее значимым в настоящее время является и изучение незаконного приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки. В этой связи актуальным видится анализ и выявление проблемы уголовно-правовой характеристики преступлений, конкретно объективных и субъективных признаков, связанных с незаконным оборотом наркотиков, а именно ст. 228 УК РФ.

Методологическую основу настоящего исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой и доктринальный методы познания. Их применение, а также анализ материалов судебной практики, позволили всесторонне исследовать признаки преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ и обосновать выводы о проблемах квалификации в условиях цифровой реальности.

Объективные признаки преступления

Объект и объективная сторона преступления относятся к числу объективных признаков преступления. Родовым объектом данного преступления выступает общественная безопасность, видовым – здоровье населения и общественная нравственность [6, с.7]. В качестве непосредственного объекта анализируемого состава преступления законодатель определяет установленный государством порядок оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов как необходимое условие обеспечение безопасности здоровья населения. Однако использование информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» порождает дискуссию в том числе и о объекте посягательства. В связи с изложенным, в уголовно-правовой доктрине закономерно ставится вопрос о возможности формирования нового самостоятельно объекта посягательства в виде информационной безопасности для ряда составов. [5, с.252,7, с.79.].

Однако в рамках анализа объективных признаков ст. 228 УК РФ такой подход представляется абсолютно неверным. Уголовным кодексом

РФ объект преступления определяется строго как охраняемое уголовным законом благо, которому причиняется или может быть причинен существенный вред. Информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет», в данном случае не являются носителем того охраняемого блага, на которое направлено посягательство. По нашему мнению, роль таких технологий сводится к чисто технической функции, поскольку именно они предоставляют участникам незаконного оборота возможность оперативно устанавливать контакты, обмениваться сведениями, сохранять анонимность, а также осуществлять денежные переводы. Нельзя не отметить, что вовлеченность телекоммуникационных технологий, бесспорно, привносит в противоправные действия определенную криминалистическую специфику. Однако данное обстоятельство носит сугубо технический характер и не влияет на сущность охраняемого блага. В данном случае такие сети выполняют исключительно вспомогательную функцию, облегчающую достижение противоправного результата, а потому их применение не расширяет и не видоизменяет объект правовой защиты.

Не менее сложен вопрос и о предмете преступления. В науке уголовного права в последние годы активно дискутируется вопрос о возможности установления признаков состава преступления, предусмотренного статьями главы 25 УК РФ, в условиях отсутствия физически изъятого предмета преступного посягательства. Особую актуальность рассматриваемая проблема приобретает на фоне активного внедрения информационно-телекоммуникационных средств в незаконный наркооборот. Наука уголовного права, а также судебная практика неизменно подтверждают обязательность предмета преступления как признака объективной стороны для всех норм главы 25 УК РФ, в том числе для статьи 228 УК РФ.

В то же время, в доктрине все чаще ставится под сомнение безальтернативность данного подхода. Интересной в этом контексте видится позиция Л.Л. Абрамовой, которая в своей работе изучает проблему оценки достаточности фактических оснований для привлечения лица к ответственности по факту незаконного сбыта наркотиков при отсутствии предмета преступления [1, с. 37]. Автор обоснованно отмечает сложность такого казуса. Ссылаясь на позицию Министерства внутренних дел РФ, предпринимавшего попытки внесения соответствующих изменений в законодательство, которые, однако, не были поддержаны Генеральной прокуратурой РФ, автор констатирует наличие существенная проблема правового регулирования данного вопроса. При этом, Л.Л. Абрамова прямо не высказывается о допустимости косвенных доказательств в качестве замены физического предмета преступления, логика ее рассуждений сводится к тому, что в подобных ситуациях лицо фактически не привлекается к уголовной ответственности, что не вполне отвечает задачам противодействия наркопреступности и требует законодательных изменений. Авторская позиция, изложенная на примере сбыта, универсальна для всего незаконного оборота наркотиков.

Однако мы не разделяем позицию Л.Л. Абрамовой, поскольку она не согласуется с основополагающими принципами квалификации деяний в области незаконного оборота наркотиков. Ранее мы уже указывали, что принципиальное значение для квалификации деяний, предусмотренных статьями главы 25 УК РФ, имеет установление точной массы наркотика, поскольку именно количественный критерий напрямую обуславливает степень общественной опасности содеянного и соответственно меру уголовной ответственности.

Кроме того, такая позиция не находит поддержки в официальной судебной практике, которая последовательно требует наличия предмета для квалификации содеянного. Верховный Суд РФ в своих разъяснениях не раз указывал, что состав преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, не может быть установлен без подтверждения наличия самого предмета. Как справедливо отмечает высшая судебная инстанция, для признания факта незаконного оборота наркотиков важным является подтверждение характеристик вещества, посредством экспертного заключения, проведенного по утвержденной методике. Более того, в Кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.05.2023 N 56-УД23-4-К9, прямо указано, что вывод суда об отнесении вещества к числу наркотиков не может быть сделан исключительно на основании свидетельских показаний лиц, не обладающими специальными знаниями [11]. Указанная правовая позиция, будучи сформулированной применительно к составам сбыта, в равной степени в силу единства предмета преступного посягательства, распространяется и на все иные формы незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

При этом существенно важно подчеркнуть, что сами по себе информационно-телекоммуникационные сети не изменяют юридическую природу предмета преступления в сфере наркооборота, что в целом логично в силу того, что объект также не изменяется. Предмет данного преступления по-прежнему охватывают конкретные средства и вещества, включенные в специальный Перечень, утвержденный Правительством РФ, а также растения, в которых содержатся такие средства или вещества. Следовательно, насколь-

ко бы значительными ни были технологические изменения и их влияние, они не отменяют объективных требований уголовного закона.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ, охватывает такие альтернативные действия, как незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление и переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. При этом обязательным условием для квалификации является отсутствие цели сбыта. Именно этот признак служит основным критерием разграничения со ст. 228.1 УК РФ и определяет характер общественной опасности деяния. Данный вывод убедительно подтверждается результатами судебной практики, которая демонстрирует устойчивую и единообразную модель совершения преступлений, предусмотренных ст. 228 УК РФ, с использованием информационно-телекоммуникационных и электронных сетей.

Так, согласно Приговору Кировского района суда, г. Казани от 26 февраля 2025 года, установлено, что М., действуя с прямым умыслом с целью приобретения наркотического средства для личного потребления, без цели сбыта, используя принадлежащий ему мобильный телефон, через установленный мессенджер «Телеграм» с выходом в сеть «Интернет» договорился и в дальнейшем заказал у неустановленного лица наркотическое средство в значительном размере. Совершив дистанционно оплату на счет продавца, он получил ответным сообщением в мессенджер «Телеграм» место и координаты «закладки». В продолжение своего преступного умысла, следуя координатам из сообщения в мессенджере «Телеграм», М. забрал наркотическое средство, после чего был задержан сотрудниками правоохранительных органов. Данный приговор констатирует достаточно типичную ситуацию, иллюстрирующую, каким образом в современных условиях реализуется объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ. Вначале происходит заказ через интернет-мессенджер, далее, электронная оплата и получение цифровых координат тайника, а после физическое изъятие закладки и последующее хранение при себе [12].

Суд в указанном деле верно установил все юридические значимые обстоятельства объективной стороны, в том числе прямой умысел подсудимого и отсутствие цели на сбыт, что является определяющим для квалификации по ст. 228 УК РФ. Кроме того, суд также провел работу, связанную с оценкой факультативных признаков объективной стороны, в частности способа совершения преступления – использование мессенджера «Телеграм» и сети «Интернет» для заказа и оплаты наркотического средства. При этом данные факультативные признаки не влияют на квалификацию деяния по ст. 228 УК РФ непосредственно, поскольку соответствующий признак закреплен только для ст. 228.1 УК РФ, суд все равно обоснованно отразил их в приговоре, поскольку они характеризуют степень общественной опасности деяния и личности виновного, а также имеют значение для индивидуализации наказания. Как справедливо подчеркивают в научной литературе, способ совершения преступления, хотя и является факультативным признаком объективной стороны, в условиях цифровизации преступности свидетельствует о более высокой степени организованности, продуманности и скрытности преступного посягательства [4, с. 109.].

Представляется, что подобный подход заслуживает одобрения в силу того, что несмотря на отсутствие в законодательстве закрепления квалифицирующего признака использования электронных сетей для состава ст. 228 УК РФ, судебная практика последовательно фиксирует указанный способ совершения преступления, что позволяет формировать объективную картину криминальной ситуации в данной сфере. В этой связи видится обоснованным и своевременным распространение квалифицирующего признака «использование информационно-телекоммуникационных технологий» на состав преступления, предусмотренный ст. 228 УК РФ по аналогии с пунктом «б» ч.2 ст. 228.1 УК РФ, где данный признак уже длительное время закреплен.

Цифровые технологии превращают даже менее опасные формы незаконного оборота наркотиков в высоколатентные и общественно опасные деяния, требующие усиленной уголовно-правовой оценки, поскольку методы криптографической защиты, анонимизирующие технологии и криптовалютные расчеты, существенно затрудняют как выявление, так и расследование таких преступлений. Полагаем, что распространение квалифицирующего признака на ст. 228 УК РФ выступает не как изолированное нововведение, а как логичный элемент выстраивания единой системы уголовно-правовых норм, реагирующих на цифровые способы совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. В подтверждение позиции, следует привести мнение Т.О. Чистанова, который также приходит к выводу о необходимости введения квалифицирующего признака в ст. 228 УК РФ, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, включая сеть «Интернет». По нашему мнению, автор обосновывает данное решение не полным учетом современных реалий незаконного оборота, поскольку такие технологии теперь используются не только при сбыте [9, с.18].

Субъективные признаки преступления

В соответствии с действующим УК РФ субъектом данного состава преступления является

физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. На протяжении многих лет в специальной научной литературе ведется обсуждение о понижении возраста уголовной ответственности за незаконное приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотиков. Сторонники такой идеи настаивают на том, что уже в 12-14 лет подростки осознают противоправность таких деяний, в связи с ускоряющимися процессами акселерации. Некоторые авторы, в частности К.Д. Сухова в своей работе выступает за снижение порога ответственности с 16 до 14 лет [8, с. 687]. Опираясь на мнение других исследователей, автор также отмечает тенденцию «омоложения» наркотической зависимости и подчеркивает, что в данном случае такая мера будет носить не карательную, а превентивную функцию.

Представленный тезис, на первый взгляд, обретает особую остроту и актуальность в условиях стремительной цифровизации всех сфер жизнедеятельности, когда виртуальное пространство не только нивелирует традиционные барьеры распространения запрещенных веществ, но и многократно усиливает их доступность для несовершеннолетних за счет анонимности, агрессивного маркетинга в мессенджерах, а также формирование девиантных культур в цифровой среде. Однако, при всей внешней убедительности аргументов о необходимости ужесточения уголовно-правовых мер, считаем принципиально важным акцентировать внимание на сущностных характеристиках самого феномена незаконного оборота наркотиков и формирующейся от них зависимости. Вопреки технологической динамике, аддиктивное вещество не меняет своей психотропной природы и механизма воздействия на незрелую психику. Следовательно правовой ответ на такое деяние не может строиться исключительно на логике репрессии, игнорируя глубинные социально-психологические детерминанты подростковой наркомании. Более того, эмпирический анализ судебной практики убедительно свидетельствует о том, что удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенный лицами в возрасте до 16 лет, в общей структуре подобных преступлений является весьма незначительным. В этой связи представляется ошибочным смещать акцент с превентивных механизмов на карательные санкции, поскольку уголовное наказание в отношении несовершеннолетних, не обладающих сформированной волевой сферой и полноценной способностью к прогнозированию последствий, зачастую приводит не к исправлению, а обратному эффекту, связанному с закрепление девиантного поведения и разрушением нравственно-социальных связей. Приоритетным вектором противодействия незаконном наркообороту должно выступать не механическое снижение возрастного порога ответственности, а комплексная, многоуровневая система профилактических мероприятий, адаптированной под современную ситуацию.

Исходя из этого, мы приходим к выводу нецелесообразности столь радикальных вмешательств в уголовно-правовой закон, поскольку приоритет должен отдаваться превентивным механизмам, а не ужесточению репрессивных мер, даже в условиях цифрового незаконного оборота наркотиков.

Законодательная конструкция ст. 228 УК РФ предполагает наличие двух ключевых элементов субъективной сторон данного состава преступления, во-первых, вины в форме прямого умысла, а во-вторых, обязательного факультативного признака – отсутствие цели сбыта наркотических средства, психотропных веществ или их аналогов.

Не вызывает сомнений, что деяния, охватываемые ст. 228 УК РФ (незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка) совершаются с прямым умыслом. В то же время одним из наиболее обсуждаемых вопросов субъективной стороны остается установление факта отсутствия цели сбыта, что значительно усложняется в контексте повсеместного использования информационно-телекоммуникационных технологий. Именно направленность умысла выступает системообразующим критерием, отграничивающим данный состав от незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ (ст. 228.1 УК РФ) [3, с.81].

Для отграничения данных составов правоприменитель обязан опираться на критерии, сформулированные Верховным Судом РФ в, где прямо указано, что о сбыте может свидетельствовать размер, фасовка, предварительная договоренность, а также то, что само лицо наркотик не употребляет. При этом отсутствие умысла на сбыт должно быть установлено также тщательно, как и его наличие, через оценку всех обстоятельств дела. Однако в условиях стремительной цифровизации незаконного оборота наркотиков, доказывание этих элементов представляется затруднительным. Взаимодействие между участниками такой незаконной деятельности осуществляется исключительно в цифровой среде, что существенно видоизменяет механизмы совершения преступлений. Если при «классическом» незаконном обороте квалификация строится на оценке личного взаимодействия, то цифровые технологии исключают такой элемент.

Судебная практика последних лет демонстрирует, что использование информационно-телекоммуникационных сетей само по себе прямо не свидетельствует о незаконном сбыте наркотиков (ст. 228.1 УК РФ). Более того, именно

цифровой контекст нередко становится фактором, позволяющим судам переквалифицировать деяние на хранение без цели сбыта. Так, по делу К., рассмотренное Верховным Судом РФ, приговором суда первой инстанции К. был осужден по ч.3 ст. 30, п. «г» ч.4 ст. 228.1 УК РФ к 10 годам лишения свободы [13]. Суды нижестоящей инстанции, обосновывая наличие умысла на сбыт, сослались на расфасовку наркотика в удобную для сбыта упаковку, крупный размер, а также на отказ К. добровольно предоставить пароли от изъятых мобильных телефонов. Верховный Суд в деле К. справедливо отверг доводы нижестоящих инстанций, отметив, что что отказ обвиняемого предоставления доступа к своему телефону в данном случае не может быть истолкован против него, а предположение о хранении в телефонах информации, свидетельствующей об умысле на сбыт несостоятельно. В результате Верховный Суд РФ переквалифицировал действия К. на ч.2 ст. 228 УК РФ, назначив наказание в виде 3 лет 3 месяцев лишения свободы, сославшись на недопустимость построения обвинения на предположениях. Данное дело наглядно показывает, что в цифровую эпоху отсутствие доступа к цифровым следам не может восполняться предположениями, а бремя доказывания умысла на сбыт, либо его отсутствие лежит исключительно на стороне обвинения.

Очевидно, что в условиях незаконного оборота наркотиков в цифровой среде, установление отсутствия умысла на сбыт порождает риск ошибочных квалификаций. Действующее уголовно-правовое регулирование и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не в полной мере отражают специфику цифровой среды при незаконном обороте наркотиков.

Заключение

Резюмируя, важно подчеркнуть, что цифровизация существенно видоизменяет способы совершения преступления, предусмотренные ст. 228 УК РФ, но не влияет на их юридическую природу. Современные технологии выполняют вспомогательную функцию, не создавая при этом нового объекта охраны, в связи с чем доктринальные предложения о выделении информационной безопасности в качестве объекта посягательства для данного состава являются несостоятельными. Объективная сторона все чаще реализуется через современные сервисы, на основании чего мы делаем вывод о повышении организованности и латентности таких деяния. Однако отсутствие в ст. 228 УК РФ квалифицирующего признака использование информационно-телекоммуникационных технологий не позволяет адекватно дифференцировать ответственность, в связи с чем предлагается дополнить ст. 228 УК РФ соответствующим признаком.

Несмотря на активное «омоложение» контингента и повышение доступности наркотиков благодаря цифровым технологиям, нами обосновывается вывод о нецелесообразности снижения возраста уголовной ответственности до 14 лет за данное преступление. Кроме того, непростой вопрос субъективной стороны, связанный с обязанностью доказывать отсутствие умысла на сбыт, приобретает особую актуальность в эпоху цифровых доказательств. Анализ судебной практики позволил сделать вывод, что установление и оценка подобных доказательств вызывает серьезные трудности, что нередко влечет ошибки квалификации. В связи с этим перспективным представляется сформировать Пленуму Верховного Суда РФ разъяснения по работе и оценке с цифровыми доказательствами, что позволит обеспечить более точную квалификацию.

Список литературы:

[1] Абрамова Л. Л. Оценка достаточности основания для возбуждения уголовного дела по факту незаконного сбыта наркотического средства при отсутствии предмета преступления // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 1(30). – С. 35-41.

[2] Абрамян С. К. Состояние, динамика и тенденции преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 1. – С. 115-117.

[3] Дружинина, Л. В. Субъект преступлений, предусмотренных ст.ст. 228, 228-1 УК РФ // Проблемы науки. – 2019. – № 11(47). – С. 81-85.

[4] Каранова Д. А. Информационно-коммуникационные технологии как способ совершения преступлений // Криминологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 107-110.

[5] Кур И. Н. Обеспечение информационной безопасности как объект уголовно-правовой охраны // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 7. – С. 250-255.

[6] Любавина А. Квалификация преступлений, предусмотренных ст.ст. 228 и 228.1 УК РФ: учебное пособие. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016. – 176 с.

[7] Саралиев Ж. С., Б. Б. Бидова Информационная безопасность государства как объект уголовно-правовой защиты // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2019. – № 9(37). – С. 78-81.

[8] Сухова К.Д. Дискуссионные вопросы о наступлении возраста уголовной ответственности за преступления в области незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Флагман науки. – 2025. – № 1 (24). – С. 686-689.

[9] Чистанов Т.О. Незаконный оборот наркотических средств с использованием современных телекоммуникационных технологий: проблемы уголовной ответственности // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 17-20.

[10] Путин обсудил с Совбезом борьбу с незаконным оборотом наркотиков [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2025. 4 июля. URL: https://ria.ru/20250704/putin-2027178762.html (дата обращения: 15.06.2026).

[11] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 мая 2023 г. № 56-УД23-4-К9 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[12] Приговор № 1 05/2024 1-68/2025 от 26 февраля 2025 г. по делу № 1 505/2024 [Электронный ресурс] – Кировский районный суд г. Казани, 2025. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/i9rp8tRi2idX/ (дата обращения: 08.06.2026).

[13] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2023 № 16-УД23-17-К4 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/407751218/ (дата обращения: 08.07.2026).

References:

[1] Abramova L. L. Assessment of the sufficiency of the basis for initiating a criminal case on the fact of illegal sale of a narcotic drug in the absence of the subject of a crime // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 1(30). - S. 35-41.

[2] Abrahamyan S.K. State, dynamics and trends of crime related to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances in the Russian Federation // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2023. – № 1. - S. 115-117.

[3] Druzhinina, L. V. Subject of crimes under Art. 228, 228-1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Problems of science. – 2019. – № 11(47). - S. 81-85.

[4] Karanova D. A. Information and communication technologies as a way of committing crimes // Criminological journal. – 2024. – № 2. - S. 107-110.

[5] Kur I. N. Ensuring information security as an object of criminal law protection // Gaps in Russian legislation. – 2023. - T. 16, NO. 7. - S. 250-255.

[6] Lyubavina A. Qualification of crimes under Art. 228 and 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: textbook. - St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2016. - 176 s.

[7] Saraliev Zh. S., B. B. Bidova Information security of the state as an object of criminal legal protection // Skif. Student science issues. – 2019. – № 9(37). - S. 78-81.

[8] Sukhova K.D. Discussion questions on the onset of the age of criminal responsibility for crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances // Flagship of science. – 2025. – № 1 (24). - S. 686-689.

[9] Chistanov T.O. Drug trafficking using modern telecommunication technologies: problems of criminal liability // Successes of modern science and education. – 2017. - T. 8, NO. 2. - S. 17-20.

[10] Putin discussed with the Security Council the fight against drug trafficking [Electronic resource] // RIA Novosti. 2025. July 4th. URL: https://ria.ru/20250704/putin-2027178762.html (access date: 15.06.2026).

[11] Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of May 3, 2023 No. 56-UD23-4-K9 // Access from the Garant legal system.

[12] Verdict No. 1 05/2024 1-68/2025 of February 26, 2025 in case No. 1 505/2024 [Electronic Resource] - Kirovsky District Court of Kazan, 2025. - URL: https://sudact.ru/regular/doc/i9rp8tRi2idX/ (access date: 08.06.2026).

[13] Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.09.2023 No. 16-UD23-17-K4 [Electronic Resource] // SPS "Garant." URL: https://base.garant.ru/407751218/ (access date: 08.07.2026).